

Се Шигуань задал такой вопрос, и кто из двоих посмел бы возразить?

Тот, что сидел по правую руку от Се Шигуаня, был облачен в красно-коричневый халат с круглым воротом и узкими рукавами. Его верхняя одежда была сшита из цельного отреза парчи, расшитой искусными узорами, а по подолу шла кайма с изображением бессмертных, верхом на журавлях. На вид ему было около сорока, лицо чистое, без единой волосинки, а живот, который не мог удержать кожаный пояс, явно выдавал склонность к полноте.

Шэнь Цюэ узнал этого человека: это был министр двора Чэнь Минъюнь, чиновник третьего ранга, обладавший реальной властью и несметными богатствами. Вторым же был генерал Юньхуэй, охранявший границы, тоже третьего ранга, но одетый настолько скромно, что на фоне министра Чэня выглядел почти нищим.

Едва Се Шигуань закончил фразу, как министр Чэнь тут же подхватил:

— Ваше Высочество совершенно правы. Мы собрались лишь в узком кругу, а младший брат Шэнь — человек вашего ближнего круга, все мы здесь свои люди.

Сказав это, он усмехнулся и добавил:

— Все мы здесь собрались, чтобы приятно провести время, разве может быть иначе?

Второй гость за столом лишь молча кивнул, не проронив ни слова.

Раз уж разговор зашел так далеко, Шэнь Цюэ не оставалось ничего иного, как сесть. Он поклонился присутствующим и, плавно взмахнув полами халата, опустился на свое место.

Когда все были в сборе, появилась и сама знаменитая куртизанка. Сначала послышался ее мелодичный смех, а следом донесся едва уловимый аромат орхидей — тонкий, ускользающий, дразнящий чувства.

Министр двора не раз предлагал огромные суммы, чтобы увидеть эту недоступную красавицу, но она даже не удостоила его взглядом. Теперь же, когда он наконец смог лицезреть ее воочию, его глаза не отрывались от нее ни на миг.

Куртизанка по обыкновению первым делом подошла к Се Шигуаню:

— И Юнь приветствует Ваше Высочество.

Раз уж найти того, кого он искал, не удалось, пришлось пригласить эту певичку, чтобы она спела пару песен для развлечения, дабы не показаться совсем уж невежливым.

Из-за ширмы тут же отозвались. Голос звучал даже нежнее, чем у куртизанки, и вскоре показался молодой актер в сценическом костюме. На нем не было головного убора, лицо лишь слегка припудрено, уголки глаз тронуты румянами, губы подведены алым — невероятно красивое создание.

Актер, видимо, никогда не встречал в этих увеселительных местах таких простаков, поэтому решил поиздеваться и принялся тереться о Шэнь Цюэ. Тот, потеряв терпение, схватил его за плечи и, стараясь выглядеть как можно грознее, жестами показал:

— Прошу тебя, води себя прилично!

Шэнь Цюэ едва не свалился со стула и в панике замахал руками:

— Подчиненный... я... я...

— Ваше Высочество, это Сы Сянь, самый популярный актер в наших театрах. Ну же, спой для Вашего Высочества.

Актеру было плевать на нежелание Шэнь Цюэ — он получил деньги и не мог позволить заказчику остаться недовольным. Он всем своим гибким, лишенным костей телом прильнул к Шэнь Цюэ, и тот, боясь пошевелиться, застыл, словно деревянный истукан.

Певец весело рассмеялся:

— Что вы сказали? Я не понимаю ваших знаков.

Актер улыбнулся и протянул руки, чтобы обхватить лицо Се Шигуаня:

— Что желает услышать князь?

Будучи человеком изворотливым, он не забыл оказать почтение Янь-вану и поспешно позвал:

— Сы Сянь!

Се Шигуань слегка приподнял подбородок, указывая на сидевшего ниже министра двора:

— Ступай к министру Чэню.

Все его манеры, осанка и жесты в точности напоминали благородную девицу из знатного дома.

Се Шигуань, увидев это, лишь шире улыбнулся:

— Раз велено обнимать, так и обнимай как следует, смотри не урони человека.

Однако его приглашение было отправлено в такой спешке, что министр Чэнь, даже перевернув весь мир вверх дном, не смог бы найти девицу из порядочной семьи, которая была бы одновременно талантлива, красива, покорна и согласна на такую роль.

Девушка кротко улыбнулась:

— Слушаюсь.

Все, кто хоть немного был знаком с Янь-ваном в столице, знали о его придирчивости в выборе постельных спутников. На подобных куртизанок, побывавших в объятиях бесчисленных купцов, он и смотреть не желал.

Затем актер снова обвил его шею руками, прижался к уху и принялся тихонько, по-детски постанывать.

— У меня вкус простой, я не разбираюсь в театре, — Се Шигуань, не отрывая взгляда от его влюбленных персиковых глаз, бесстыдно произнес: — Почему бы тебе не простонать для меня по-настоящему?

Актер вскрикнул: «Ай!», словно смутившись до корней волос. Се Шигуань отнял его руки от лица и заставил посмотреть на Шэнь Цюэ:

— У меня ноги затекли. Ступай, сядь к нему на колени.

Шэнь Цюэ, никогда не видевший подобного, залился краской сильнее, чем сам актер, и взмолился о помощи, посмотрев на князя.

Видя, что красавица уселась вплотную к нему, министр Чэнь, вдыхая тот самый изысканный аромат орхидей, почувствовал, как у него кости тают от удовольствия.

Актер, прильнув к груди Се Шигуаня, нарочно пел небрежно, лишь вытягивая отдельные слоги. Министр Чэнь поспешно рассмеялся:

— Ты же актер, что за Ланьлин-ван? Давай, смени песню!

Се Шигуань с улыбкой наблюдал за ними. Министр Чэнь, выпив несколько чарок, разгорячился и решил подшутить над Шэнь Цюэ:

— Не пробовал еще, верно? Этот актер — не просто певец, он не только поет мастерски, но и на язык ох как хорош! Стоит один раз попробовать, и уверяю, будешь каждую ночь бегать за ним по пятам!

Едва он договорил, как Янь-ван, сидевший во главе стола, поднял свой кубок:

— Господин министр.

Куртизанка подала подогретое вино. Министр Чэнь поспешно принял его, слегка склонил голову и ответил на жест Се Шигуаня:

— Ваше Высочество, прошу вас.

Вино было собственного приготовления Хуа И Юнь: плоды мушмулы, собранные осенью, мариновались в кувшине всю зиму. В хрустальной чаше, украшенной цветком зимней сливы, вино казалось особенно сладким и ароматным.

Министр Чэнь похвалил:

— Превосходное вино!

Девушка тихо рассмеялась:

— Птица поет среди цветов, гость пьян и не хочет уходить из дома наложницы.

Се Шигуань опустил кубок, задержал взгляд на лице министра Чэня и перешел сразу к делу:

— На самом деле я пригласил вас сегодня, господин министр, потому что мне нужна ваша помощь.

— Что вы, — министр Чэнь поспешно отставил чарку, — Ваше Высочество, прикажите, что угодно. Если это в моих силах, я сделаю все без лишних слов.

Он говорил это, а у самого ладони вспотели. Этот князь никогда не следовал правилам, и если он потребует чего-то немыслимого, министр не знал, как выкрутиться.

Се Шигуань с улыбкой наблюдал за ним, не спеша продолжать. Министр Чэнь невольно вспомнил о своих сыновьях. Один из его внебрачных сыновей был хорош собой, но уже женат, имел детей, да и характер у него был буйный — если отправить его в поместье князя, еще неизвестно, что он там устроит!

Не так страшно, если сын будет недоволен, куда страшнее — прогневать Регента!

Пока министр Чэнь в ужасе рисовал в голове картины будущего, Се Шигуань неторопливо произнес:

— Ничего особенного, просто... — он посмотрел на Шэнь Цюэ, — А Цюэ со мной уже больше десяти лет, но до сих пор числится в списках рабов, что крайне неудобно. Его документы о продаже давно сожжены, осталось лишь внести его в реестр свободных граждан Чанъаня.

Сердце Шэнь Цюэ сжалось, лицо, и без того красное, вспыхнуло еще сильнее. Он служил Се Шигуаню больше десяти лет и никогда не смел надеяться на доброе отношение. Тем более он не ожидал, что князь захочет освободить такого ничтожного человека, как он, из рабства.

Услышав, что князю не нужен его внебрачный сын, министр Чэнь с облегчением выдохнул и расплылся в улыбке:

— Это сущая мелочь! Зачем же Вашему Высочеству беспокоиться лично? Прислали бы письмо

в мой дом, я бы все устроил в лучшем виде!

— А как получим документы, я лично передам их в Военное министерство и присвою младшему брату Шэню чин шестого ранга. Чем не красота?

Министр Чэнь был отлично осведомлен о делах, даже о той истории с племянником императрицы, которую пытались скрыть. Слышал он и о том, как из-за этого немного пострадали десятки слуг, а сам племянник лишился половины ладони, чудом выжив лишь благодаря помощи случайных прохожих.

Все судачили, что это дело рук Янь-вана, но доказательств не было. А без доказательств кто осмелится расследовать дела Регента?

Заслужить расположение Янь-вана — дело полезное. Уладить это поручение и оставить о себе добрую память у Шэнь Цюэ было совсем не лишним.

— Как знаете, господин министр, — отозвался Се Шигуань. — Вы всегда справляетесь с делами безупречно, мне не о чем беспокоиться.

Только он закончил фразу и хотел посмотреть на реакцию Шэнь Цюэ, как актер, сидевший у того на коленях, вдруг прильнул к нему и с лукавой улыбкой прошептал:

— Господин, а почему это у вас там все так напряглось?

Шэнь Цюэ внезапно вскочил, весь красный до кончиков ушей, в глазах блеснули слезы. Он поклонился Се Шигуаню и, не оглядываясь, выбежал вон.

За столом воцарилась тишина. Се Шигуань, осознав происходящее, не смог сдержать смеха: даже в таком состоянии тот не забыл извиниться — это было до невозможности мило.

Актер тоже развеселился. Ему доводилось встречать разных людей, но таких, которые в страхе сбежали с поля боя, он видел впервые.

— Ваше Высочество, — актер встал и слегка поклонился, его персиковые глаза изогнулись полумесяцами, — я пойду поищу того господина, а то он совсем изведется в одиночестве.

Министр Чэнь, смеясь, махнул рукой и отпустил сальную шуточку:

— Ступай, ступай! Молодой парень, кровь кипит, а дома никого нет, небось сейчас где-нибудь в углу столбы обнимает.

Эти чиновники на людях держались с достоинством, но в частных беседах их слова были грязными, словно снег на дороге.

Се Шигуань привык к подобным разговорам и никогда не принимал их близко к сердцу, но сегодня, услышав это, он вдруг нахмурился, и на душе стало неприятно.

Актер уже собрался уходить, но Се Шигуань медленно произнес:

— Убежал, так зачем же гнаться?

Актер был мастером угадывать настроения. Заметив недовольство на лице князя, он тут же вернулся на место и с притворным упреком добавил:

— Ваше Высочество правы. Тот господин — как деревяшка, в нем и сотой доли вашего очарования нет. Ваше Высочество, может, мне спеть вам Западный флигель?

Се Шигуань не ответил, и актер принял это за согласие. Он подошел к князю, одолжил у него складной веер, прикрыл им лицо и запел.

Князь не любил театр, но не мог не признать: у этого актера был прекрасный голос. Когда он тянул имя Цуй Инъин, его голос звучал нежнее, чем пение иволги.

Звуки музыки наполняли комнату, но в мыслях у князя был совсем другой человек.

Тот самый немой, который не мог говорить и не умел петь.

<http://bllate.org/book/19999/1972165>